

ЛОШАДИНЫЙ ДВОРЕЦ

Трехсотлетию Петергофа посвящается

Ирина Хиенкина

Санкт-Петербург — город особенный. Не только и не столько потому, что был воздвигнут в кратчайшие сроки на гиблых чухонских болотах волею гениального русского царя.

Особенность его еще и в том, что, с одной стороны, история его очень коротка — ну, в самом деле, что за возраст для города 300 лет! — а с другой стороны, насыщена значимыми для России событиями, так как, может быть, история гораздо более древних городов. Кроме того, в Питере сравнительно хорошо сохранились памятники прошлого — и за счет того, что не так уж много лет прошло с момента основания города, и благодаря тому, что никогда его никто не завоевывал, и в немалой степени оттого, что очень вовремя Санкт-Петербург перестал быть столицей.

Здание императорских конюшен

Время в нашем городе словно спрессовано, и прошлое тесно переплетено с настоящим. Каждая старо-петербургская улочка помнит столько событий и столько интерес-

ных людей, что можно сочинить сотни книг и все не исчерпать тему.

А удивительный наш климат! Фантастическая сырая зима, прозрачная весна, колдовское лето с белыми ночами, мистическая осень... Кстати, о мистике — чего-чего, а этого в Питере всегда было в избытке. Вот, например, из недавних новостей — говорят, опять отправлялся гулять по городу Нос майора Ковалева...

А питерские пригороды? Каждый сам по себе — история.

И Петергоф — не исключение. Любимое детище двух императоров — Петра Первого и Николая Первого; место заточения Екатерины Второй — именно отсюда она отправилась в Петербург совершать переворот; престижный дачный уголок — кто только не отдыхал здесь в прошлом!

И сейчас Петергоф, наверно, самый популярный у туристов пригород Санкт-Петербурга. Всему миру он известен, как «столица фонтанов», «русский Версаль». При этом гости посещают очень небольшую часть огромного комплекса парков и дворцов, которые окружают наш маленький городок пыльным ожерельем. Не одну сотню гектаров занимают мало известные туристам парки Лейхтенбергских, Собственной дачи, Луговой, Колонистский, Александрия...

Внутренний двор. Вид на манеж

...Там, где с Александрией смыкается Нижний парк, и расположено это здание. Оно часто попадает на глаза гуляющим, идущим или едущим мимо. Но мало кто догадывается о его первоначальном предназначении. Дворец и дворец — мало ли дворцов в нашем городе!

Если мне случается катать по Петергофу туристов в экипаже, я обязательно привожу их сюда. Когда они вдоволь налюбуются необычной архитектурой, сообщаю, что это такое на самом деле. Сейчас здесь санаторий, и реакция бывает разной. Кто-то говорит: «Ну правильно, работаем, как лошади, отдыхаем в конюшне», а некоторые возмущаются: «Не может быть, это большевики, небось, здесь конюшню устроили, а у царя был дворец! Вы, конечно, ошибаетесь».

...Но я не ошибаюсь — не было здесь дворца.

Однако и в самом деле — вид строения настолько необычен, что даже многие местные жители все-таки верят в легенду, согласно которой Петр I, задумывая Петергоф, за образец при постройке конюшни взял замок своего закадычного

врага шведского короля Карла XII - дескать, это для тебя дворец, а у меня в таких лошади живут. Мне случилось слышать- Шведским замком называют аборигены комплекс зданий Петергофских Придворных конюшен.

Ибо это — Придворные конюшни.

Только построены они намного позже царствования августейшего преобразователя — в середине XIX века.

Только не служили образцом для зодчего никакие «шведские замки».

Только было на самом деле так...

...Больше всех пригородных своих резиденций Николай I любил именно Петергоф. Интересная подробность — одна из последних фраз императора, произнесенная им на смертном одре: «*Передайте привет моему любимому Петергофу*»... За время своего царствования забытый при его предшественниках уездный городишко с постепенно ветшавшими дворцами, зараставшими парками и разрушающейся системой водоводов Николай Павлович превратил в густонаселенный, процветающий, роскошный уголок —

пышный пригород блистательного города. Были отремонтированы дворцы старые и построены новые, расчищены парки старинные и разбиты современные, фонтаны украсили не только Верхний и Нижний парки, где ими можно любоваться до сих пор, но и забили в Александрии, Луговом, Колонистском парке, парках Собственной дачи и Лейхтенбергских.

А конюшни? Конюшни царские к тому времени уже были — да и как же им не быть! Только деревянные, не слишком вместительные и презентабельные. Располагались они в двух деревянных зданиях на берегу пруда (стены их были выкрашены в красный цвет, и есть версия, что именно потому пруд этот до сих пор называется Красным). Там же находился и деревянный манеж, впервые перестроенный в театр. *Перестройка велась под руководством архитектора Шарлеманя, и от старого здания остались одни стены (в 1837 году, когда театр открылся, там была царская ложа, царские комнаты, 9 комнат для актеров и другие помещения, кроме сцены со всем оборудованием и зрительного зала — на шестьсот человек — места в бывшем манеже хватило на все).*

А теперь несколько слов надо сказать о другом человеке, без которого Петергоф не был бы Петергофом — сыне придворного метрдотеля императрицы Марии Федоровны (супруги Павла Первого). Метрдотеля звали Луи-Жюль, его сына — Николай. Фамилия их была Бенуа. Николай Бенуа родился в 1813 году, в возрасте 14 лет был принят в Академию художеств «для изучения архитектуры», в

1836 году ее окончил. Впоследствии он был направлен за казенный счет за границу, и, спустя шесть лет, вернувшись в Россию, еще совсем молодым человеком был зачислен на службу в Кабинет Его Императорского Величества. Первые заказы императорской фамилии были не слишком крупными — алтарь из малахита в подарок сардинскому королю, бронзовые столы для Эрмитажа, чернильные приборы... Но в 1847 году архитектор, получивший к тому времени звание академика, по личному заказу Николая Первого, приступает к работе над проектом Придворных конюшен.

О том, какое значение царь придавал этому строительству, свидетельствует хотя бы то, что специально для него был построен целый кирпичный завод! Его проект разработал член Строительной комиссии Петергофа надворный советник А.П. Кожевников. Он же предложил и технологию выделывания кирпичей.

На осуществление проекта было выделено 10 тысяч рублей, и уже в январе 1848 года состоялась заклад-

ка фундамента завода. К лету он был готов! Такие темпы и сегодня сделали бы честь строителям. *Всего для конюшенного комплекса было выпущено 9 миллионов 870 тысяч штук кирпичей, по цене значительно меньшей, чем такие же кирпичи, вырабатывавшиеся на других заводах (15 рублей против 22 рублей за тысячу).*

Во время своего «пенсионерства» за границей Николай Бенуа особенно любовно изучал готический стиль — его путевые альбомы заполнены рисунками, изображающими интерьеры итальянских соборов, детали фасадов, фрагменты оформления. И теперь он получил возможность реализовать свои пристрастия. В те поры как раз в моду вошел так называемый псевдо- или неоготический стиль. Несколько зданий, построенных в этом стиле другими архитекторами, к тому времени в Петергофе уже стояли. И теперь Николай Бенуа получил заказ на проектирование такого. Знающие люди говорят, что царские конюшни в Петергофе — *«одна из самых совершенных построек зодчего по чистоте композиционного замысла и цельности общего художественного решения».*

Закладка здания состоялась 18

Здание кухни

июля 1849 года, и по окончании строительства прекрасный Петергоф получил еще один бриллиант в свою корону.

Комплекс конюшен прекрасно сохранился до наших дней. Если бы мы могли вместе с птицами взглянуть на него сверху (впрочем, летом у туристов есть такая возможность — к их услугам вертолет), то мы увидели бы трапецию, длина главного фасада которой 200 м, а боковые протянулись на 150. По центру главного фасада, обращенного в сторону Финского залива и Нижнего парка, расположен небольшой, но роскошный манеж.

Манеж выходит торцом на Александрьевскую улицу, тянущуюся вдоль границы парка от самого Большого дворца, сам же он вытянут внутрь комплекса. Вообще весь комплекс состоит из нескольких частей — кроме манежа это два жилых корпуса и собственно конюшни. Все

Знаменитая панорама

они связаны между собой каменными оградами и воротами. Вместить конюшни могли до 328 лошадей. Каре, в форме которого построен комплекс, крестообразно разделено на четыре внутренних двора, в них находились различного рода службы — кузня, шорная, фуражная, экипажные сараи. По периметру каре расположены девять башен, они находятся в углах и в местах соединения отдельных корпусов. Те из них, которые соединяли между собой просторные и светлые одноэтажные корпуса самих конюшен, предназначались для хранения сена. В потолках этих своеобразных «сенных сараев» были сделаны люки, через которые сено легко и просто сбрасывалось вниз по мере надобности. В некоторых из них внутри сохранились изящные винтовые лестницы, по которым можно подняться на чердак.

Глядя снаружи на эти величественные башни, ни за что не догадаешься об их прозаическом назначении. Так же, как ни за что не придет в голову, что элегантная католическая базилика на самом деле обычный манеж для занятий верховой ездой. Вид манежа поражает до сих пор. Стены, прорезанные глубокими стрельчатыми проемами со сложными готическими переплетами и розетками, действительно напоминают о каком-то средневековом соборе. Внутри манеж был богато и изящно украшен, по роскоши соперничая с расположенным недалеко театром — если помните, тоже манежем, но уже бывшим. До сих пор можно любоваться резными дубовыми стропилами, поддерживающими крышу. Они прекрасно сохранились, в отличие от специально оборудован-

ной императорской ложи, о шикарном убранстве которой мы сегодня можем только догадываться. Сейчас здесь расположена столовая санатория, и запах борща и котлет давно заглушил священный для каждого конника запах конского пота, кожи и навоза.

Все сооружения были тщательно оборудованы инженерными коммуникациями, имелись и коллекторы для сбора отходов (выходили на нынешнюю Зверинскую улицу — восточная сторона).

Западнее манежа расположены двухэтажные жилые корпуса с многочисленными квартирами для служащих. Они служили *«для помещения чинов и другого звания лиц конюшенного ведомства»*, а также для дворцовой охраны. Сейчас здесь кабинет главного врача санатория.

Решив задачи, связанные с предназначением здания, Бенуа не менее успешно справился и с чисто эстетической стороной дела. Все вместе действительно напоминает старинный замок, что чутко подметили местные жители.

А как любовно, с каким вкусом декорирована эта, с позволения сказать, конюшня! Из сохранившихся до наших дней документов видно, что с общим планом Николая Бенуа определились практически сразу. Но разработка декора здания потребовала настойчивых поисков и разработок.

Для украшения «лошадиного дворца» с рисунков Бенуа по глиняным моделям было отлито более тысячи декоративных деталей! Все они были сделаны на известнейшем в те годы предприятии англичанина Ч.Берда (это именно его петербуржцы имели в виду, говоря «сде-

лано, как у Берда», то есть выше всяческих похвал). Скульптор Д. Иенсен в своих мастерских изготовил терракотовые украшения, среди них — 12 гербов Петергофа с росписью и позолотой. Гербы можно видеть и сегодня, а вот позолоту — увы. Кроме того, кое-где с сожалением можно заметить утраты и среди декоративных деталей, отлитых из чугуна, а те, что сохранились, не везде, к несчастью, несут на себе отпечаток заботливого ухода.

Но все же — как прекрасно, как гармонично здание! Всякий, въезжающий в Петергоф на машине, обязательно видит его, как видит всякий, идущий пешком или добирающийся на муниципальном транспорте от вокзала к паркам. Сложенные из красного кирпича, стены конюшенного комплекса яркими пятнами просвечивают сквозь листву или заснеженные ветки, непременно останавливая взгляд путника и вызывая желание подойти поближе и повнимательнее осмотреть «старинный замок».

Все обращают внимание на перспективу, открывающуюся взгляду из центральных арок боковых фасадов на внутренние дворы. Стоя у первых ворот, мы видим все уменьшающиеся вдаль три арочных проезда — задумка архитектора, чуть было не поспорившая его с августейшим заказчиком.

Николай I, вникавший во все мелочи, касавшиеся Петергофа — его любимого детища, рассматривая планы будущей конюшни, «собственноручно зачеркнул находящиеся внутри двора строение кузницы и поместил его по оси ворот. Николай Леонтьевич был в отчаянии: задуманная им перспектива

Манеж

трех башен с воротами одним росчерком карандаша государя уничтожалась совершенно. С этим примириться Бенуа не мог, и он делает два чертежа: на одном изображает свободную перспективу трех ворот с въезжающей тройкой лошадей, а на другом чертеже ту же перспективу, заслоненную злополучной кузницей. Свой проект с этими чертежами Бенуа принес для представления государю. Принимавший проект князь Петр Михайлович Волконский (министр императорского двора), увидев исполнение приказа государя, не хотел даже нести представлять проект, но Бенуа убедил его это сделать. Через несколько минут Волконский вышел из кабинета Николая Павловича и, возвращая проект, сказал: «Государь много смеялся твоей дерзости, но согласился сделать по-твоему!» (из воспоминаний современника).

Отзывы современников об этой постройке были единодушны — все в один голос признали первое крупное творение Николая Бенуа его первой крупной удачей. Еще до окончания строительства он был назначен главным архитектором при Петергофском дворцовом правлении, а по окончании - пожалован орде-

ном Владимира четвертой степени. В дальнейшем жизнь Н.Бенуа и жизнь его семьи на долгие годы оказалась связана с Петергофом, архитектор построил здесь много прекрасных зданий, часть из них утрачена, но многие сохранились и радуют глаз до сих пор.

Судьба же конюшен такова. Вплоть до революции комплекс служил своему прямому назначению. Сменялись служащие, кони... императоры, наконец; но по-прежнему каждый день конюхи раздавали овес и сено, чистили холеную шерсть, берейторы гоняли лошадей на корде, а в манеже пахло опилками, кожей и конским потом...

В 1914 году императорская семья навсегда покинула Петергоф. Николай II, подобно своему прадеду, любивший маленький приморский городок, возвращался сюда — в последующие годы на несколько дней, но как царская резиденция город фонтанов перестал существовать. Так же закончила свое существование и придворная конюшня. Какое-то время здесь размещался пехотный (!) полк, ну а после 1917 года — автомоторота. Постепенно здание ветшало, приходило в упадок. Санаторий в помещениях конюшен был открыт в 1927 году, и с той поры — с перерывом на войну (Петергоф был оккупирован немцами) — здесь лечат желудочные хвори.

Иногда тут снимают кино. Например, известный фильм «Три толстяка» снимали именно в Петергофских дворцовых конюшнях: дворец трех толстяков — это они и есть. Вообще режиссеры любят это здание — хочешь, снимай средневековую Европу, а хочешь — Россию 18-

19 веков. Вот и «Тайны дворцовых переворотов» здесь снимали — с северной стороны дворец Александра Даниловича Меншикова, с южной — Эстляндию или Ливонию. И то, и другое смотрелось достаточно убедительно.

Таков сегодняшний день некогда роскошного «лошадиного дворца». Хотя надо признать, что ему еще повезло — в окрестностях Петергофа немало развалин, которые раньше были аналогичными, пусть и не такими шикарными, конюшнями. Некоторые вообще не сохранились.

Ну а на примере нынешнего санатория «Петродворец» любой конник, посетивший Петергоф, может собственными глазами увидеть, как же жилось лошадям «в проклятое царское время».

Иллюстрации: фото автора и гравюра из книги «Описание Петергофа. 1501 - 1868», Санкт-Петербург, 1868.

